

DOI: 10.31857/S086919080028919-7

**«НЕ-БЛИЖНИЙ» ВОСТОК: ИЕРАРХИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО
ПОТЕНЦИАЛА МИГРАНТОВ С ВОСТОКА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ПРИНИМАЮЩИХ ОБЩЕСТВ. ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ
В СТРАНАХ ЕВРОПЫ И В РОССИИ¹**

© 2023

И.С. САВИН ^a, Н.С. ИВАНОВА ^b^a– Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6812-7014; savigsa@inbox.ru

^b – Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской
Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-1140-2334; nataliya.ivanova.0709@gmail.com

Резюме: В статье представлен обзор европейских и российских исследований на тему представлений принимающего общества об интеграции мигрантов. Обзор показал, что в данной области существует множество работ, включая как качественные, так и количественные исследования, а также работы, фокусирующиеся на теоретических и прикладных аспектах. В статье рассказывается об исследованиях, которые уделяют внимание как общему пониманию местными жителями интеграции мигрантов, так и ее отдельным аспектам. В выводах авторы отмечают, что как в Европе, так и в России существуют иерархии мигрантов, которые соответствуют представлениям об их «готовности к интеграции». Носители норм, распространенных на исламском Востоке, рассматриваются как наименее готовые к совместному проживанию, но эти барьеры не являются непреодолимыми. Исследование показало, что стратегия адаптации мигрантов к стандартам большинства по-прежнему остается популярной среди местного населения. При этом и в Европе (в большей степени), и в России часть жителей готовы к интеграции как к процессу взаимного принятия и постепенного изменения. «Неготовность к интеграции» выходцев с Востока объясняется не их религиозной принадлежностью, а сложившимися социальными нормами, которые могут постепенно трансформироваться. Факторами, обуславливающими такие изменения, являются не просто контакты (случайные и специально организованные), но вовлечение и местных и мигрантов в совместное решение актуальных для всех задач. В противном случае участники взаимодействия не считают их нужными и важными для себя и интеграции, даже при наличии контактов, не происходит.

Ключевые слова: представления об интеграции мигрантов, местные, мигранты, интеграция мигрантов, критерии интегрированности.

Для цитирования: Савин И.С., Иванова Н.С. «Не-Ближний Восток»: Иерархия интеграционного потенциала мигрантов с Востока в представлениях принимающих обществ. Обзор исследований в странах Европы и в России. *Восток (Oriens)*. 2023. № 6. С. 217–229. DOI: 10.31857/S086919080028919-7

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 22- 78-10038) «Когда мигранты становятся местными? Представления об интеграции мигрантов, распространенные среди представителей принимающего общества»

‘NON-NEAR EAST’: THE HIERARCHY OF INTEGRATION POTENTIAL
OF EASTERN MIGRANTS AS PERCEIVED BY THE RECEIVING SOCIETIES.
A REVIEW OF RESEARCHES IN EUROPE AND RUSSIA

© 2023

Igor S. SAVIN^a, Nataliya S. IVANOVA^b

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6812-7014; savigsa@inbox.ru

^b – Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (RANEP), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1140-2334; nataliya.ivanova.0709@gmail.com

Abstract: *The article presents a review of European and Russian studies on the perceptions of host societies towards the integration of migrants. The review demonstrates the diversity of works in this field, including both qualitative and quantitative research, as well as studies focusing on theoretical and applied developments. The article describes research that pays attention to both the general understanding of integration by local residents and its specific aspects. In the conclusions, the authors argue that hierarchies of migrants exist both in Europe and in Russia, corresponding to perceptions of their “readiness for integration.” The least prepared to live “together with us” are seen as carriers of norms prevalent in the Islamic East, but these barriers are permeable. The review study shows that the strategy of adapting migrants to the standards of the majority remains popular among the local population. Nonetheless, both in Europe (to the greater extent) and in Russia there is a part of population that is ready for the integration as a process of mutual acceptance and gradual change. “Unpreparedness of integration” of the Eastern-born immigrants is explained not by their religious identity, but rather the existing social norms, which are able to gradually transform. The factors that affect this transformation are not just contacts (deliberate or not), but also inclusion of both locals and immigrants in the collective search for solution to the problems relevant to both groups. Otherwise, the participants of the integration processes do not consider them necessary or important, meaning that the integration does not occur despite the contacts’ existence.*

Keywords: perceptions of migrant integration, locals, migrants, migrant integration, criteria of integration.

For citation: Savin I., Ivanova N. ‘Non-Near East’: the Hierarchy of Integration Potential of Eastern Migrants as Perceived by the Receiving Societies. A Review of Researches in Europe and Russia. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 6. Pp. 217–229. DOI: 10.31857/S086919080028919-7

Исследователи интеграции мигрантов в принимающем обществе уже отмечали важность понимания ее в качестве «улицы с двусторонним движением», где залогом успешности включения вновь прибывших иностранцев в местный социум является не только желание со стороны мигрантов, но и готовность принимающей стороны содействовать им в этом [Berry, 1997; 2003; Дробижина, 2013]. Между тем число работ, где важность представлений принимающего общества по поводу интеграции вновь прибывающих иностранных граждан не только отмечалась, но и дополнялась бы анализом этих представлений, выявлением факторов, обуславливающих эти представления, выяснением условий для более широкого распространения позитивных ожиданий по поводу интеграции новых членов в общество, совсем не велико. Тем не менее такие работы есть и у нас в стране,

и за рубежом, и изучение собранных в них материалов, методических инструментов и концептуальных разработок может помочь не только в деле понимания существующих сегодня в мире подходов к исследованию запросов и ожиданий принимающего общества в отношении интеграции иностранцев, но и для создания релевантных исследовательских стратегий и прикладных программ, способствующих комфортному протеканию двустороннего процесса интеграции.

Как среди исследователей, так и в обществе в целом распространено мнение о зависимости успехов интеграции от величины «культурной дистанции»: чем она заметнее, тем труднее ее носителям стать «своими» в новых условиях. Поскольку большинство интеграционных исследований проводятся в странах «Запада» (включая сюда страны Европы, США, Канаду, Австралию и в определенной мере Россию), то и наибольшая культурная дистанция предполагается с выходцами из стран условного Востока (страны Северной Африки, Передней, Центральной и Юго-Восточной Азии). Соответственно и люди с «Востока» полагаются наименее подготовленными к включению в «западные» общества. В рамках обзора проведенных в разных странах за последние 15 лет исследований предстоит выяснить: а) насколько подобные представления распространены в принимающем обществе, и б) как они влияют на процессы интеграции.

Исходя из вышесказанного, задачи настоящей статьи формулируются следующим образом:

- провести обзор исследований, посвященных представлениям населения принимающих стран об интеграции мигрантов, и тематически смежных работ на предмет выявления используемых концептуальных подходов и доминирующих моделей восприятия миграции в странах Европы и России;

- изучить применяемые в ходе конкретных исследований методологические принципы и методические инструменты, которые могли бы быть полезны для дальнейшей работы по изучению условий интеграции мигрантов в России;

- определить критерии «желательности/нежелательности» разных категорий мигрантов, выявить среди этих критериев роль страхов и ожиданий по поводу «Востока» и предложить пути их объяснения и преодоления применительно к России.

В рамках исследования были изучены наиболее значимые, как нам представляется, работы об интеграции мигрантов, опубликованные в последние полтора десятка лет. Были проанализированы исследования, проведенные в различных странах Европы (Великобритании, Германии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Словакии), а также итоги изучения сходных сюжетов в России и ее отдельных регионах (Москва, Санкт-Петербург, Ставрополь, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Татарстан, Якутия, Приморский край). Отобранные работы отражают многообразие жанровых и методических подходов (теоретические и полевые изыскания, количественные и качественные социологические исследования, интерес как к общим вопросам восприятия местными жителями интеграции мигрантов, так и к отдельным ее аспектам).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КРИТЕРИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩИХ ЗАПАДНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Начнем с одной из важных, по нашему мнению, работ общего характера – с исследования Сэма Беннета [Bennet, 2018], в котором автор фокусируется на механизмах трансляции в британском обществе дискурсов об интеграции от государства, где они преимущественно формулируются, до уровня локальных взаимодействий и персональных переживаний. Автор использует анализ дискурса СМИ, правительственных документов, посвященных

интеграции в Великобритании, а также материалы фокус-групп. Беннет приходит к выводам о значимости интеграции на локальном уровне, где решающую роль играют вернакулярные представления, зачастую неосознаваемые и нерелексированные. Исследователь описывает восприятие интеграции как итог взаимопроникновения нисходящего дискурса интеграции от государства и опыта непосредственных контактов проживающих по соседству друг с другом сообществ.

По мнению Беннета, в британском обществе существует своего рода иерархия мигрантов. На низшей ступени находятся просители убежища. Верхнюю ступень занимают белые мигранты из Западной Европы или других западных по культуре стран, таких как Соединенные Штаты или Австралия [Bennet, 2018, p. 183]. Иерархия эта, как считает Беннет, выстраивается в зависимости от уровня необходимых «затрат на интеграцию», который наиболее высок у просителей убежища из неевропейских регионов и практически отсутствует у жителей других стран Запада.

Не менее интересным представляется нам исследование Сабрины Майер и Стефани Мюссиг, проведенное в Германии с помощью количественных методов [Mayer, Müssig, 2020]. В нем изложены итоги онлайн-опроса различных групп населения страны об интеграции в ней мигрантов. Главные вопросы звучали следующим образом: чего должен достичь иммигрант, чтобы быть интегрированным; как должна быть организована интеграция иммигрантов в общество в целом; и кто в первую очередь несет ответственность за интеграционные мероприятия – сами новые граждане, принимающее общество или община и те, и другие [Mayer, Müssig, 2020, p. 4].

Варианты ответов на эти вопросы были закодированы и сгруппированы в несколько категорий или измерений. На индивидуальном уровне основными среди них были: а) категория когнитивно-культурная – изучение немецкого языка; б) правовая – натурализация иностранцев; в) гражданская – исполнение гражданских обязанностей, следование закону, правовым нормам; г) социальная – взаимодействие с местными жителями; д) социально-культурная – принятие немецких традиций, христианства, основных ценностей и стиля жизни. Респонденты из всех трех групп (родившиеся в Западной Германии, родившиеся в Германии Восточной, имеющие миграционный опыт) отдали предпочтение социально-культурному, когнитивному и гражданскому измерению. То есть в представлениях большинства опрошенных наиболее интегрирован тот из мигрантов, кто привержен немецким традициям, правилам и стилю жизни, говорит на немецком языке и придерживается распространенных в стране правовых норм. Тогда как такие опции интеграции мигрантов, как принятие гражданства, общение с местными жителями и включение в число работающих или учащихся граждан, выбрало очень небольшое число респондентов [Mayer, Müssig, 2020, p. 22].

На социальном уровне индикаторы интеграции были объединены в две основные группы: ассимиляционистский взгляд, в соответствии с которым необходимо приспособление иностранцев к принимающей стране, происходящее в основном за счет их собственных усилий; и мультикультуралистский взгляд, предполагающий взаимную аккультурацию, то есть, «взаимное принятие различий», по мнению цитируемого исследователями Эссера [Esser, 2004]. Во всех трех группах мнения респондентов по поводу социального измерения интеграции (включая и их представления о том, как она должна происходить и за чей счет) показали доминирование ассимиляционистского взгляда. При этом, однако, если среди респондентов с миграционным опытом также заметно были распространены носители мультикультурного понимания интеграции, то среди респондентов, родившихся в Западной Германии, таких было меньше, и еще меньше они были представлены среди родившихся в Восточной Германии. То есть у всех трех групп опрошенных представления о необхо-

димости интеграции присутствовали (лишь абсолютное их меньшинство выступало за исключение или самоизоляцию мигрантов), но мнения по поводу ее сценариев разделялись.

Сходные результаты получило исследование Ленки Дразановой с коллегами, в ходе которого был проведен глубинный анализ материалов опроса Евробарометра 2017 г. в 28 странах Европейского союза [Drazanova et al., 2020, p. 8]. Респондентам предлагалось несколько вариантов ответов на вопрос «Насколько важно следующее качество иммигрантов для успешной интеграции?» Наибольшее количество предпочтений в 22 странах набрал вариант «умение говорить на языке страны пребывания», на втором месте по популярности оказалась «необходимость содействовать системе социального обеспечения путем уплаты налогов», на третьем – «приверженность образу жизни принимающей страны путем принятия ценностей и норм общества» [Drazanova et al., 2020, p. 13].

В отличие от ответов на вопросы о качествах, необходимых иммигрантам для успешной интеграции, где в целом наблюдался консенсус, в ответах на вопросы о мерах по преодолению барьеров на пути интеграции иммигрантов, о поддержке организаций, занимающихся защитой прав мигрантов, и т. д. в позиции респондентов выявились несколько контрастирующих блоков представлений. Часть респондентов, и особенно те, кто, склоняясь к политическим предпочтениям правого толка, не имеет сколько-нибудь значительного опыта непосредственного взаимодействия с мигрантами, выступают за большую ответственность самих мигрантов за процесс их интеграции в принимающее общество, а также за введение против них разного рода ограничений [Drazanova et al., 2020, p. 36]. В то же время другие участники опроса представляли интеграцию как процесс взаимной адаптации. Главным средством содействия скорейшей интеграции было названо более плотное взаимодействие местных жителей и иммигрантов, в ходе которого их взаимное восприятие станет более позитивным [Drazanova et al., 2020, p. 37].

Объяснить стремление граждан стран Европы видеть рядом с собой людей, говорящих на понятном им языке и живущих по правилам, им привычным, отчасти помогают выводы из исследования Седефа Турпера. Правда, оно не посвящено целиком выяснению представлений принимающего общества об интеграции, зато концентрируется на том, как и почему у местных жителей формируется восприятие разной степени интегрированности мигрантов [Turper, 2017]. В рамках крупного панельного опроса, проведенного в Нидерландах с использованием конджойнт анализа², респондентам были предложены несколько виньеток³, где они должны были выбрать, кому из мигрантов с правом на легальное пребывание в стране следует предоставить вид на жительство, учитывая факт их трудоустройства, получения пособий и совершения преступлений, а также, для сравнения, оценить своё отношение к гражданам Нидерландов в таких же ситуациях [Turper, 2017, p. 1800–1804].

Выяснилось, что опасения по поводу угроз безопасности со стороны мигрантов больше влияют на негативное восприятие их как субъектов интеграции, чем другие факторы. Также в ситуации личной угрозы респондентам те относятся к мигрантам более негативно, чем к преступникам из числа местных жителей [Turper, 2017, p. 1808]. Этим можно объяснить стремление европейцев видеть среди сограждан людей, им понятных и потому представляющих не столь угрожающими личной безопасности, как мигранты. В несколько меньшей степени влияли на готовность принять мигрантов экономические соображения; так, угроза,

² Конджойнт анализ (conjoint analyses) социологический метод, позволяющий одновременно анализировать влияние на мнение респондентов нескольких разных факторов.

³ Социологические виньетки – прием, позволяющий выявить, избегая сложных формулировок, весь спектр мотивов, определяющих отношение респондента к тому или иному явлению, через фиксацию восприятия респондентом реальной или сконструированной ситуации, содержащей важные для исследования аспекты социальной реальности.

которую представляют мигранты для социальной системы, воспринималась более серьезно, чем риск, связанный с конкуренцией на рынке труда.

Еще в одном исследовании, в котором также использовались виньетки, были проверены гипотезы о том, какие факторы влияют на принятие жителями Германии иностранных мигрантов в качестве сограждан. В ходе онлайн-опроса качества мигрантов, наиболее приветствуемые принимающим обществом, соотносились с категориями мигрантов, различающимися, с одной стороны, по странам происхождения, с другой, по намерениям интегрироваться в Германии [Czymara, Schmidt-Catran, 2016]. Анализ показал, что наиболее приветствуются те, кто готов содействовать экономическому развитию страны, то есть работать, не претендует на социальные пособия и в наименьшей степени отличается от немцев в культурном отношении: воспитан в христианской традиции и говорит по-немецки. В этом смысле иммигрант-мусульманин или выходец из страны, расположенной в Азии или Африке, имеет гораздо меньше шансов быть приветствуемым как свой, чем иммигрант-христианин.

Почему религиозный фактор оказывается столь важным, и как он влияет на восприятие иммиграции в Европе, видно из работы Марии Соболевской и ее коллег [Sobolewska et al., 2017], которые также обнаружили, что иммигранты-мусульмане считаются менее интегрированными, и попытались объяснить этот факт. По мнению исследователей, собственно религиозность мусульман не важна для их интеграции: их воспринимают как чужих не из-за их верований, но вот распространенное среди мусульман представление о том, что «место женщины дома» способствует отношению к ним как к людям с иным, не нашим, устройством жизни [Sobolewska et al., 2017, p. 74–75]. Таким образом, как и в описанных выше исследованиях, в этом показана важность для восприятия интеграции перспективы создания социального пространства, которое было бы привычным и комфортным для принимающего общества.

В этом исследовании также использовались конджойнт виньетки, с несколькими зафиксированными в них свойствами мигрантов: религия, профессия, гражданство, участвует ли в выборах, сколько налогов платит, на каком языке говорит, каково его отношение к роли женщины в обществе, цель приезда в страну, намерения относительно гражданства, с кем живет, с кем чаще всего общается, какую культуру поддерживает и что готовит дома. Участникам онлайн-опросов, проведенных в Нидерландах и Великобритании, предлагалось выбрать среди представленных вариантов описаний мигрантов, те, которые относятся к наиболее интегрированным. В итоге наиболее важными оказались культурная близость и возможность социального взаимодействия, но однозначно доминирующих факторов не было выявлено. Авторы делают вывод, что восприятие интеграции многомерно и что респонденты осознают необходимость ее двусторонней направленности, но при этом явно видны предпочтения в отношении европейских мигрантов [Sobolewska et al., 2017, p. 74–75].

Другим интересным исследованием с применением койнджонт-анализа можно считать исследование Андрея Финдора и его коллег [Findor et al., 2022]. В ходе него с помощью онлайн-опроса изучались представления молодых жителей Словакии об интеграции и были выявлены факторы, влияющие на интеграционные перспективы мигрантов. Эта работа интересна еще и тем, что помимо анализа первичных эмпирических данных, авторы рассмотрели результаты предшествующих аналогичных работ, раскрывающие те или иные предпочтения европейцев в отношении интеграции мигрантов. Анализ ответов молодых словаков показал, что для них предпочтительны мигранты более молодые и образованные, женского пола, немусульмане и выходцы из стран с немусульманским большинством в населении.

По мнению авторов, предпочтения, оказываемые более образованным мигрантам, объясняются следующим образом: у таких мигрантов больше возможностей получить хорошую работу, у них более выражено стремление к адаптации, к учету интересов принимающего общества и они менее склонны к совершению преступлений [Findor et al., 2022, p. 89; Hager, Veit, 2019]. Молодость же мигрантов оказывается среди важных предпочитаемых качеств, потому что от молодых ожидают более быстрого принятия местных культурных норм и, по мере достижения ими трудоспособного возраста, значительного вклада в экономику страны. Предпочтения в отношении мигрантов-женщин в целом основаны на стереотипах местных жителей о вызывающей сочувствие зависимой женщине в исламских странах [Findoratal., 2022, p. 90; Mascini, Bochove, 2009] и на представлениях о мужчинах-мусульманах-мигрантах как об угрозе культуре и безопасности принимающего общества [Weiss, Tulin, 2021]. Объясняется такое настороженное отношение как небольшим числом исповедующих ислам людей, постоянно живущих в стране, так и звучащими иногда резкими высказываниями политиков по поводу угроз со стороны мусульман.

Предметом изучения становится и восприятие местными жителями уже состоявшихся мероприятий, направленных на интеграцию новых граждан. В данном случае используются глубинные интервью с участниками таких мероприятий. Они позволяют выяснить как общее отношение к мероприятиям со стороны их участников, так и их внутренние ощущения и переживания, формирующие мотивационные установки по поводу интеграционной активности в будущем.

В частности, в нескольких пригородных поселениях в Норвегии исследователи проводили полуструктурированные интервью с местными жителями из числа организаторов и активистов нескольких интеграционных форматов непосредственного взаимодействия местных жителей с недавно прибывшими мигрантами [Bygnes, Strømsø, 2022]. Имеются в виду языковые клубы, где мигранты нарабатывали навыки разговорной речи в ходе непринужденного обсуждения с местными самых разных повседневных тем, «треугольники дружбы», которые формировали компании регулярного общения мигрантов и местных жителей. Согласно концепции взаимной интеграции, местные жители и мигранты в ходе встреч «учатся друг у друга». На деле же выяснилось, что активисты – представители принимающего населения воспринимали себя носителями каких-то свойств, которыми хотели поделиться с мигрантами и тем самым помочь им войти в местное сообщество. Им было трудно понять, зачем и как общаться с мигрантами, если «мы общаемся на равных и они (мигранты) в этой помощи не нуждаются». Но такая ситуация (местные обладают свойствами, которых нет у мигрантов) как раз и воспроизводит неравенство, на преодоление которого были направлены эти встречи [Bygnes, Strømsø, 2022, p. 12]. Очевидно, самого факта встреч недостаточно, так как специально организованные контакты между местными и приезжими не рожают у них взаимного равноценного интереса друг к другу и «обещания инклюзии» (так формулировалась цель этих встреч) остаются всего лишь обещаниями.

Этот вывод подтверждается исследованием взглядов шведских социальных работников, имевших опыт работы с мигрантами и опрошенных методом глубинных интервью [Eliassi, 2017]. Респонденты понимали интеграцию как политическую необходимость «включения небелых иммигрантов» и целью своей работы видели исправление ситуации, при которой культурные особенности «неевропейских небелых иммигрантов» (язык, религия, внешний вид) рассматриваются как угроза социальной сплоченности «основного общества» [Eliassi, 2017, p. 12]. В то же время белые иммигранты воспринимались опрошенными социальными работниками как «культурно близкие и совместимые со шведским обществом» [Eliassi, 2017, p. 28].

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РОССИИ ОБ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ С ВОСТОКА

Еще одним проектом по изучению представлений о том, как происходит интеграция мигрантов, стало осуществленное в 2012–2020 гг. исследование под руководством Джона Берри. Его целью было изучение интеркультурных отношений в культурно неоднородных обществах (*Mutual intercultural relations in plural societies*). Среди прочего исследователи выясняли аккультурационные ожидания местных жителей и в России. Серия исследовательских мероприятий была организована в Москве, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии [Лепشوкова, 2012; Лебедева, Татарко, Берри, 2016; Lebedeva et al., 2017]. Выводы исследователей таковы. Высокий уровень гражданской идентичности респондентов коррелирует с их ожиданиями, что у мигрантов возобладают мультикультуралистские установки. И напротив: чем выше у респондентов уровень этнической идентичности, тем более выражены у них ожидания, что у мигрантов возобладают сегрегационные установки. Кроме того, они подсчитали, что интенсивность разнообразных этнических контактов положительно влияет на принятие поликультурной идеологии, а удовлетворенность жизнью коррелирует с ожиданиями, что все участники интеграционного процесса должны быть и будут готовы к изменениям.

Другим исследованием, измерявшим аккультурационные ожидания россиян по отношению к мигрантам, является работа Дмитрия Григорьева [Григорьев, 2017]. В ней автор предлагает классификацию ожиданий, альтернативную примененной Джоном Берри. На материалах онлайн-опроса в социальных сетях автор создал три аккультурационных профиля. Бикультурный профиль отличает тех членов принимающего общества, которые поддерживают идею мультикультурализма, а от мигрантов ожидают одновременно и принятия теми местной культуры, и сохранения своей. Ассимиляционистский профиль свойственен людям, которые настаивают на принятии мигрантами культуры большинства и для которых это принятие подразумевает утрату мигрантами их культуры «по месту выхода». Ассимиляционисты, как правило, верят в «опасный мир вокруг», поддерживают дискриминацию и у них низкий уровень готовности к межгрупповому контакту. Наконец, людям альтернативно-культурного профиля достаточно принятия мигрантами местной культуры только в публичной сфере, так как они различают поведение в частном и публичном пространствах.

Отдельно стоит отметить сходства в европейских и российских исследованиях. Зарубежные и отечественные авторы согласны: когда местные жители понимают интеграцию мигрантов как задачу, поставленную правительством либо выдвигаемую экспертами и гражданскими активистами, т. е. сформулированную за пределами «нашего» локального территориального или профессионального сообщества, она не воспринимается внутри такого сообщества как насущная потребность, ведущая к улучшению «нашей» ситуации. В силу этого позитивное воздействие интеграционных мероприятий на представления местных жителей снижается и не всегда способно преодолеть сложившиеся иерархии «предпочитаемых» мигрантов.

Сходство в проводимых в Западной Европе и в России исследованиях представлений об интеграции мигрантов на этом не заканчивается. И в России, и в западноевропейских странах в качестве концептуальной основы понимания интеграции чаще всего используется доработанная модель взаимного принятия Джона Берри с некоторыми уточнениями в разных социальных контекстах. Нельзя не отметить и совпадения в некоторых выводах российских и западных исследователей. Так, в Москве, Татарстане, Якутии в интеграционных ожиданиях местных жителей наиболее беспокоящими предстают те свойства мигрантов, что чреваты нарушением сложившихся повседневных стандартов взаимодействия внутри

локального сообщества [Арутюнова, Кузнецов, 2021, с. 20], угрожают «целостности сложившейся региональной социально-культурной системы» [Кузнецов, Фролова, 2019, с. 86], что очень совпадает с предпочтениями жителей стран Западной Европы, выявленными в рассмотренных выше работах западных коллег.

Есть определенное сходство и в представлениях о том, на чью долю должны приходиться основные усилия по включению мигрантов в принимающее общество. И в Европе, и в России местные жители считают, что мигранты «не готовы отвечать ожиданиям принимающего сообщества, принять в качестве базовых сложившиеся стандарты поведения и взаимодействия в публичной сфере» [Кузнецов, Фролова, 2019, с. 86] а также не стремятся к этому [Полетаев 2018, с. 272]. Соответственно от них в большей степени ожидается адаптация их собственных моделей поведения под те, что приняты на локальном уровне в тех странах, куда они намерены интегрироваться.

Также исследователи и в Европе, и в России подчеркивают, что источником трудностей в принятии мигрантов местными сообществами является не сама по себе их этническая или конфессиональная принадлежность, а обусловленные ею нормы поведения, не всегда приемлемые для местных жителей [Sobolewska et al., 2019, p. 74–75; Арутюнова, Кузнецов, 2021, с. 21]. Как и на Западе, исследователи в России отмечают ощущаемую в ходе опросов «определённую социально-культурную дистанцию» [Кузнецов, Фролова, 2019, с. 86], что позволяет им говорить о некоторой шкале облегченности интеграции мигрантов, обусловленной величиной этой дистанции. Но если в европейских странах эта дистанция не только ощущается, но и артикулируется с помощью отсылок к культурной (белый/небелый, европейский/неевропейский) и религиозной (христианство/ислам) непохожести принимающего и мигрантского сообществ, то в России, особенно в таких регионах, как Татарстан, религиозная принадлежность не может служить атрибутом «чужой» культуры, так как всегда была свойством значительной части местного населения.

В Москве участники глубинных интервью называли «неудобными» мигрантами тех своих соседей, «у кого в квартирах с утра до ночи шум стоит из-за их многосемейности: у них ведь нет малолетних» или тех, у кого «во время мусульманского поста всю ночь движуха» [Космарская, Савин 2021, с. 104–105], что явно подразумевает мусульман, ведущих традиционный для них образ жизни, но не свидетельствует о категорическом неприятии их в качестве людей, живущих рядом. В данном случае можно скорее говорить о незавершенном пока процессе взаимной адаптации привычных стандартов повседневного поведения местных и мигрантов.

ВЫВОДЫ

1. Абсолютное большинство авторов, чьи работы вошли в наш обзор, рассматривают интеграцию как двунаправленный процесс взаимной адаптации и изменения мигрантов и принимающего общества, и выделяют, как и Джон Берри, несколько его вариантов: собственно интеграцию или инклюзию, адаптацию, маргинализацию (самоизоляция) и эксклюзию (неприятие). Лишь в некоторых случаях, когда предметом изучения является не интеграция в целом, а некоторые ее отдельные аспекты, используются теория культурных конфликтов, социальной сплоченности⁴ и т. д. При этом авторы часто отмечают, что ни в обществе, ни среди исследователей, не существует единого понимания конкретных положений этой общей модели.

⁴ См, например, работы С. Турпера и А. Финдора, включенные в настоящий обзор

2. То же самое демонстрируют в целом и результаты исследований. Большинство респондентов и в Западной Европе и (в меньшей степени, в России) принимают интеграцию мигрантов в качестве перспектив социального развития своих стран, но предпочитают ассимиляционную (согласно Берри) ее версию, в соответствии с которой, мигранты должны принимать культурные особенности и социальные модели, распространенные в принимающем обществе, как необходимые для себя и стараться к ним адаптироваться. Все исследования фиксируют среди жителей стран Европы также сторонников инклюзивной версии интеграции (принятие местными сообществами культурных и социальных особенностей мигрантов как своих), но таковых отнюдь не большинство. Говоря о «своем» обществе, респонденты в основном имеют в виду не страну в целом, а конкретное место или округу проживания, т. е. локальный социум, то социальное пространство, которые они могут окинуть мысленным взором и наблюдать ежедневно.

3. Большинство исследований и в нашей стране, и в Европе проводятся количественными методами. Их осуществляют, используя специальные онлайн-платформы, позволяющие проводить более дифференцированные замеры сложных оттенков мнений или одновременный анализ влияния нескольких факторов (conjoint analyses), равно как и посредством включения блоков вопросов об интеграции мигрантов в массовые опросы общественного мнения, проводимые по более широкому кругу опросов. Качественные методы исследования в виде глубинных интервью применяются в тех случаях, когда исследователи пытаются проникнуть на уровень возникновения эмоциональных мотивов восприятия интеграции мигрантов и оценить готовность личного участия респондентов в этом процессе.

4. Как в Европе, так и в России отношение местных жителей к мигрантам в значительной мере зависит от близости/неблизости социально-культурных характеристик мигрантов к аналогичным характеристикам принимающего общества. Этим и определяется иерархия мигрантов в соответствии с уровнем их «готовности к интеграции». Наименее готовыми к проживанию «вместе с нами» видятся носители норм, распространенных на исламском Востоке. Но поскольку и западные, и отечественные исследователи подчеркивают влияние на такое восприятие не столько религиозного, сколько социального контекста, это означает, что не существует непреодолимых барьеров для взаимодействия между мигрантами с «Востока» ни там, где ислам представлен слабо (Якутия), ни там, где он является важной частью социальной жизни (Татарстан).

5. Не «восточность» и не «ислам» осложняют взаимодействие местных и приезжих, а отсутствие регулярной практики взаимодействия сообществ старожилов и вновь прибывших в ходе решения задач актуальных для всех членов локального социума. Такое повседневное взаимодействие быстро бы обнаружило, что граница между «Востоком» и «Западом» поддерживается социальными представлениями, согласно которым «мы» отличаются от «них» не только и даже не столько внешним видом, сколько своими нормами, привычками, стереотипами, запросами и интересами. Тогда как вовлечение всех жителей в совместное действие, направленное на обеспечение комфортного существования в конкретном локальном контексте, позволило бы сделать добрососедство единой нормой и самой действенной формой социальной солидарности, а идентичность по происхождению оставить в ряду множественных типов категоризации окружающего мира и тем самым отодвинуть ее на второй план.

* * *

Подводя итог, можно сказать следующее. Данные обзора свидетельствуют о том, что представления местных жителей об интеграции мигрантов пока ориентированы

преимущественно на одностороннюю адаптацию – на «самоподгонку» приезжих под стандарты принимающего общества. Даже материалы исследований, показывающих готовность части респондентов к взаимной адаптации, не позволяют предложить для движения по пути интеграции что-либо, кроме «взаимодействия и контактов» в самом общем виде или же организации специального подготовленных мероприятий, которые оказываются неэффективными, поскольку не отражают реальных повседневных запросов локальных сообществ. Однако этот разочаровывающий итог не должен обескураживать. Он только подчеркивает актуальность дальнейшего, более всестороннего изучения представлений жителей конкретных территориальных сообществ о критериях, этапах, перспективах включения в их состав новых членов и необходимость сформировать более четкое понимание того, как, за счет каких факторов, ресурсов и усилий интеграция может происходить максимально эффективным образом. В противном случае «Восток» так и будет служить источником объяснений непохожести живущих рядом людей – образно говоря, не станет ближе и не позволит всем нам стать людьми, живущими вместе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арутюнова Е.М., Кузнецов И.М. Интеграционный потенциал принимающего общества: сравнительная региональная перспектива. *Мир России*. 2021. Т. 30. № 2. С. 6–25 [Arutyunova E.M., Kuznetsov I.M. The Integration Potential of the Host Society: A Comparative Regional Perspective. *Universe of Russia*. 2021. Vol. 30. No. 2. Pp. 6–25 (in Russian)].

Григорьев Д.С. Дискриминация мигрантов в социоэкономической сфере: роль межгрупповых установок принимающего населения. *Социальная психология и общество*. 2017. Т. 8. №. 3. С. 63–84 [Grigoryev D.S. The Discrimination of Immigrants in the Socioeconomic Domain: the Role of Intergroup Attitudes of the Mainstream Population. *Social Psychology and Society*. 2017. Vol. 8. No. 3. Pp. 63–84 (in Russian)].

Дробижева Л.М. Вводная статья. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам. *Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах*. Т. 1. Ч. 2. Отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. С. 789–801 [Drobizheva L.M. Introductory article. Problems of tolerance towards migrants. *Migration in Russia 2000–2012. Anthology in 3 volumes*. Vol. 1. Part 2. Ed. by Z. Zayonchkovskaya. M.: Spetskniga, 2013. Pp. 789–801 (in Russian)].

Космарская Н.П., Савин И.С. Отношение москвичей к мигрантам сквозь призму контактной гипотезы. *Этнографическое обозрение*. 2021. № 1. С. 94–111 [Kosmarskaya N.P., Savin I.S. Perception of Migrants by Muscovites through the Lens of the Contact Hypothesis. *Ethnographic Review*. 2021. No. 1. Pp. 94–111 (in Russian)].

Кузнецов И.М., Фролова Е.В. Интеграция мигрантов в общественном мнении жителей Республики Татарстан. *Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии)*. Под ред. Л.М. Дробижевой, С.В. Рыжовой. М.: ФНИСЦРАН, 2019. С. 74–87 [Kuznetsov I.M., Frolova E.V. Integration of Migrants in the Public Opinion of the Republic of Tatarstan Locals. *Interethnic Relations in the Republics of the Russian Federation: Examples of Tatarstan and Sakha (Yakutia)*. Ed. by L.M. Drobizheva, S.V. Ryzhova. Moscow: FNISTS RAS, 2019. Pp. 74–87 (in Russian)].

Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Дж. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте. *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104 [Lebedeva N., Tatarko A., Berry J. Social and Psychological Basis of Multiculturalism: Testing of Intercultural Interaction Hypotheses in The Russian Context. *Psychological Journal*. 2016. Vol. 37. No. 2. Pp. 92–104 (in Russian)].

Лепшокова З.Х. Социальная идентичность и аккультурационные ожидания принимающего населения. *Альманах современной науки и образования*. 2012. Т. 11. № 66. С. 132–135 [Lepshokova Z.K. Social Identity and Accultural Expectations among Host Population. *Almanac of Modern Science and Education*. 2012. Vol. 11. No. 66. Pp. 132–135 (in Russian)]

Поletaев Д. От настороженности к неприязни: динамика отношения в России к трансграничным трудовым мигрантам в 2002–2016 гг. *От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени*. Колл. монография. Ред. С.А. Панарин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 267–283 [Poletaev D. From Wariness to Rejection: Dynamics of Attitudes towards Cross-Border Labor Migrants in Russia, 2002–2016. *From the Bronze Age to the Digital Age*. Collective Monograph. Barnaul: Altay University Publishing House, 2018. Pp. 267–283 (in Russian)].

Bennet S. *Constructions of Migrant Integration in British Public Discourse: Becoming British*. London, New York: Bloomsbury Publishing, 2018.

Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*. 1997. Vol. 46. Pp. 5–68.

Berry J.W. Conceptual Approaches to Acculturation. *Acculturation: Advances in Theory, Measurement, and Applied Research*. Eds. K.M. Chun, P. Balls Organista, G. Marín. Washington: American Psychological Association, 2003. Pp. 17–37.

Bygnes S., Strømsø M. A Promise of Inclusion: On the Social Imaginary of Organised Encounters between Locals and Refugees. *Journal of Intercultural Studies*. 2002. <https://bora.uib.no/bora-xmlui/bitstream/handle/11250/3058331/A+Promise+of+Inclusion+On+the+Social+Imaginary+of+Organised+Encounters+between+Locals+and+Refugees.pdf?sequence=1D> (accessed: 17.04.2023).

Czymara C.S., Schmidt-Catran A.W. Wer ist in Deutschland willkommen? *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2016. Vol. 68. No. 2. Pp. 193–227.

Drazanova L., Liebig T., Migali S., Scipioni M. What are Europeans' Views on Migrant Integration? An In-Depth Analysis of 2017 Special Eurobarometer "Integration of Immigrants in the European Union". *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. No. 238. Paris: OECD Publishing, 2020.

Eliassi B. Conceptions of Immigrant Integration and Racism among Social Workers in Sweden. *Journal of Progressive Human Services*. 2017. Vol. 28. No. 1. Pp. 6–35.

Esser H. Does the New Immigration Require a New Theory of Intergenerational Integration? *The International Migration Review*. 2004. Vol. 38. No. 3. Pp. 1126–1159.

Findor A., Hruška M., Jankovská P., Pobudová M. Who Should Be Given an Opportunity to Live in Slovakia? A Conjoint Experiment on Immigration Preferences. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2022. Vol. 20. No. 1. Pp. 79–93.

Hager A., Veit S. Attitudes Toward Asylum Seekers: Evidence from Germany. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 83. No. 2. Pp. 412–422.

Lebedeva N., Galyapina V., Lepshokova Z., Ryabichenko T. Intercultural relations in Russia. *Mutual intercultural relations*. Ed. by J. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 34–59.

Mayer S.J., Müssig S. Assimilation, Pluralism or Exclusion? Normative Conceptions of Integration among Majority and Minority Citizens in Germany. ECPR General Conference (24.08.2020), 2020. http://sabrinajmayer.de/wp-content/uploads/2020/08/Mayer_Muessig_Normative_Perceptions_of_Integration.pdf (accessed: 17.04.2023).

Mascini P., Bochove M.V. Gender Stereotyping in the Dutch Asylum Procedure: "Independent" Men Versus "Dependent" Women. *International Migration Review*. 2009. Vol. 43. No. 1. Pp. 112–133.

Sobolewska M., Galandini S., Lessard-Phillips L. The Public View of Immigrant Integration: Multidimensional and Consensual. Evidence from Survey Experiments in the UK and the Netherlands. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. Vol. 43. No. 1. Pp. 58–79.

Turper S. Fearing what? Vignette Experiments on Anti-Immigrant Sentiments. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. Vol. 43. No. 11. Pp. 1792–1812.

Weiss A., Tulin M. Does Mentoring Make Immigrants More Desirable? A Conjoint Analysis. *Migration Studies*. 2021. Vol. 9. No. 3. Pp. 808–829.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

САВИН Игорь Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Igor S. SAVIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Center for Central Asian, Caucasian and Volga-Urals Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ИВАНОВА Наталия Сергеевна – магистр социологии, исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

Nataliya S. IVANOVA, MA (Sociology), Research Fellow, Group for Migration and Ethnicity Research, Research Fellow, Center for Regional and Urban Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.